

КОРРЕЛЯЦИЯ ГЕНИТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КОНСТРУКЦИЙ С ВНЕШНИМ ПОСЕССОРОМ: ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКШИЕ ПРИ ОПИСАНИИ¹

CORRELATION BETWEEN EXTERNAL POSSESSOR CONSTRUCTIONS AND GENITIVE RELATIONS: PROBLEMS THAT ARISE DURING THE RESEARCH

*Леонтьев А.П. (taonick@yandex.ru)
Московский государственный университет
ABBY Software House*

Данная работа посвящена определению взаимосвязи конструкций с внешним посессором и генитивных отношений. Показывается, что конструкции с внешним посессором имеют свою семантику, которая накладывает ограничения на генитивные отношения, возможные между компонентами этой конструкции. Высказывается гипотеза о том, что семантика самой конструкции определяет синтаксическую форму предложения, а семантика генитивного отношения ответственна за установление посессивной связи.

Исходные понятия

Данная статья является частью исследования **посессивных конструкций** в русском языке, под руководством А. Е. Кибрика. Посессивность при этом понимается предельно широко и подразумевает не только собственно обладание (*сундук бабушки*), но и многие другие смысловые отношения, способные кодироваться генитивной именной группой (*пальцы бабушки, деревня бабушки, внуки бабушки* и проч.)². Такие генитивные именные группы (ИГ) я буду называть **конструкциями с внутренним посессором**.

Кроме того, к посессивным конструкциям относятся так называемые **конструкции с внешним посессором** (КВП). Это такие конструкции, в которых между двумя синтаксически несвязанными именами хотелось бы установить семантическую связь. Так, в примере (1) представлена конструкция с внутренним посессором, а в примере (2) – конструкция с внешним посессором.

1) *Нога девочки сильно исцарапана.*

2) *Мальчик наступил девочке на ногу.*

Вершину генитивной группы (конструкции с внутренним посессором) я буду называть **обладаемым**, а зависимое – **посессором**. Эти же ярлыки сохраняются за соответствующими участниками и в рамках КВП. Так, в примерах (1) и (2) посессором будет *девочка*, а обладаемым *нога*.

Постановка задачи

В самом начале исследования предполагалось, что существуют параметры, одни значения которых благоприятствуют конструкциям с внешним посессором, а другие конструкциям с внутренним посессором. Например, одушевленные ИГ чаще употребляются в КВП, чем неодушевленные (ср. (3) vs. (4)).

3) *Положи спички ко мне в рюкзак*

4) **Положи спички к револьверу в футляр.*

Одним из параметров, которые мы принимали во внимание, был **тип генитивного отношения** (т. е. комбинация семантики именных компонентов ИГ и семантики связи между ними). Наша рабочая группа собрала большой корпус примеров, на основании которого была построена статистика совместной встречаемости гени-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 05-06-80288.

² Ср. в этом отношении предложенный А. Е. Кибриком термин **когнитивная сопряженность**.

тивных отношений и КВП. Вот так выгладит полученная иерархия генитивных отношений (цитируется по [Кибрик и др. 2006])

Иерархия 1. Иерархия генитивных отношений относительно возможности КВП³

Части тела (голова мальчика) → одежда (рукав мальчика) → групповое отношение (группа эзков) → отношение формы (облако дыма) → отношение бытования (город мальчика) → параметрическое отношение (сила мальчика) → посессивное отношение (карандаш мальчика) → отношение часть – целое (нос лодки) → социальное отношение (отец мальчика)

Получение такой иерархии - это уже серьезный шаг. Однако хотелось бы получить объяснение, почему генитивные отношения расположены именно в таком, а не ином порядке. В [Леонтьев 2005а] выдвигается предположение, что наиболее перспективным было бы выделить для КВП параметры, более мелкие и точные, чем генитивное отношение, и рассмотреть вклад каждого из них. В данной статье делается попытка выделить такие параметры. Я нашел по крайней мере двух кандидатов на эту роль: это **семантика самой КВП** и **лексический класс компонентов КВП**.

Семантика конструкции: есть ли разница между к нему на колени и ему на колени?

Мне удалось найти по крайней мере один случай, где исследование корреляции встречаемости КВП с генитивными отношениями дает хороший, но не исчерпывающий результат. Это конструкция с дативом и конструкция с предложом к:

5) Все грязные миски ставят **Шухову** в окошко

дативная конструкция

6) Все грязные миски ставят к **Шухову** в окошко

конструкция с к

Как видно из примеров (5) и (6), эти конструкции практически полностью синонимичны. Тем не менее они по-разному сочетаются с генитивными отношениями (см. Таблицы 1 и 2⁴).

ГО	Бытование	Части тела	Одежда	Прочие
Частота	77,78%	16,67%	5,56%	0,00%

Таблица 1. Совместная встречаемость конструкции с предложом к и генитивных отношений

ГО	Части тела	Одежда	Параметрическое	Обладание	Бытование
Частота	81,77%	3,65%	2,60%	2,60%	2,08%

Таблица 2. Совместная встречаемость дативной конструкции и генитивных отношений

В [Леонтьев 2005а] я сделал предположение, что обе конструкции чаще употребляются, если посессор вовлечен в ситуацию. Для дативной конструкции этот тезис не вызывает никаких проблем: если действие затрагивает часть тела человека, то чаще всего оно напрямую затрагивает и самого человека⁶. Если действие затрагивает собственность человека или то место, где он находится, то, естественно, вовлеченность человека будет меньшей.

Однако такое предположение не в состоянии объяснить результаты, представленные в Таблице 2. Наиболее часто конструкция с к встречается с отношением бытования, а не части тела, как можно было бы предположить.

Вторым предположением было то, что конструкция с к чаще встречается при глаголах движения, а в остальном неотличима от дативной конструкции. В отношении бытования входят такие ИГ, вершина которых обозначает место (например, *его тумбочка, его комната, кровать Васи, наш город* и т. д.), а для обозначений места кажется более естественным появляться в контексте глаголов движения, чем для частей тела.

В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что в сочетании с многими глаголами движения дативная конструкция, в отличие от конструкции с к, вообще невозможна:

7) **К нам в город** <*нам в город> эвакуировали беженцев

³ Иерархия показывает насколько велика вероятность для генитивной конструкции иметь синонимичную КВП. Для генитивных именных групп в локативных позициях эта вероятность максимальна, например. Мальчик сунул кусок хлеба в **свой карман** → Мальчик сунул кусок хлеба к себе в карман. Все полученные иерархии представлены в [Кибрик и др. 2006]

⁴ Цитируется по [Леонтьев 2005а].

⁵ Для удобства восприятия, я не привожу весь список генитивных отношений. Примеры на упомянутые отношения, приведены в иерархии 2. Данные в таблицах были получены следующим образом – за 100% брались все примеры исследуемой конструкции, например дативной или с предложом к. Затем считалась доля примеров на каждое генитивное отношение.

⁶ Этот тезис подтверждается еще и тем, что конструкция с внешним посессором часто возникает именно при глаголах активного воздействия (например, *бить*) но весьма маловероятна в контексте глаголов пассивного восприятия, например, *видеть*.

И наоборот, при глаголе *смотреть*, который не предполагает никакого движения, дативная конструкция возможна чаще.

8) *Мальчик посмотрел мне в глаза*

9)* *Мальчик посмотрел ко мне в глаза*

Однако из этой гипотезы следует, что при глаголах движения конструкция с *к* должна вытеснить дативную: вряд ли язык допустил бы, чтобы для одной и той же семантики было бы два способа кодирования. Однако это не так (см. (10), (11)).

10) *Восхищенная таким необъяснимым чудом, равного которому, конечно, и нет на свете, девочка выронила куклу, подошла к забору, и добрый заяц послушно опустил ей прямо в руки // Гайдар А. П. Тимур и его команда.*

11) *И сейчас же брюки, брюки Так и прыгнули мне в руки... // К. Чуковский. Мойдодыр*

Опуститься и прыгнуть, вне всякого сомнения, глаголы движения, однако в контексте этих глаголов употреблена не конструкция с предлогом *к*, а дативная конструкция. Мало того, конструкция с предлогом *к* здесь кажется менее уместной. Значит, наличие глагола движения само по себе не является достаточным условием для конструкции с *к*.

Более того, даже при глаголах зрительного восприятия в ряде случаев конструкция с *к* допускается и даже оказывается более удачной, чем дативная (ср. (12)):

12) *Петров, не заглядывай в тетрадь к соседу <??соседу>!*

Третьей гипотезой было предположение о том, что для конструкции с *к*, в отличие от дативной, вовлеченность посессора не является благоприятствующим фактором. Но подобное впечатление получилось случайно (ср. (13) и (14)):

13) *Положи это в машину Ивана Ивановича*

14) *Положи это в машину к Ивану Ивановичу*

В примере (13) *Иван Иванович* употребляется только для того, чтобы определить, о какой именно машине идет речь – то есть используется как опознавательный знак (*landmark* в теории Лангакера [Langacker 1987]). О том, вовлечен ли Иван Иванович в ситуацию, ничего не говорится. В примере (14), напротив, можно заметить вовлеченность Ивана Ивановича. Это легко проверить при помощи прилагательного *покойный*: пример (13) останется приемлемым, а пример (14) нет:

13') *Положи это в машину покойного Ивана Ивановича*

14') *Положи это в машину к покойному Ивану Ивановичу*

Исходя из сказанного я предложил бы другое объяснение. Дативная конструкция и конструкция с предлогом *к* семантически различны. В конструкции с предлогом *к* посессор является получателем того объекта, который перемещался, и при этом не обязательно, что его интересы этим самым сильно затронуты. Последнее отличает *к*- конструкцию от дативной, где затронутость интересов посессора обязательна. (Ср. (15) – (17)):

15) *Отнесите еду Васе в палатку (возможное продолжение – Вася болен и не может придти сам, надо ему помочь)*

16) *Отнесите еду к Васе в палатку (придет Вася и разберется, что с ней делать)*

17) *Отнесите еду в Васину палатку (а не в Петину, как можно было бы подумать).*

Создается такой эффект, что, хотя при произнесении примеров (15) и (16) говорящий упоминает о затронутости Васи (что отличает эти примеры от примера (17)), в примере (15) судьба Васи его беспокоит значительно больше, чем судьба еды. В примере (16) – как раз наоборот. Такой же эффект мне удалось обнаружить и в реальном тексте (www.podrobnosti.ua/accidents/2004/01/30/99554.html)

18) *Гигантский кролик спас жизнь умирающему хозяину, прыгнув ему на грудь*

19) *Только кролик понял, что с хозяином что-то не так. Он залез к нему на грудь и начал по ней возбужденно прыгать*

Пример (18) находится в начале текста, где сообщается о событии, серьезно повлиявшем на жизнь хозяина кролика, поэтому здесь употреблен датив. Пример же (19) взят из середины абзаца, где описываются действия кролика – кролик в рамках абзаца оказывается более важной фигурой, чем его хозяин, поэтому употребляется конструкция с *к*.

Предложенное объяснение позволяет понять, почему в примерах (7) и (12) возможна только конструкция с *к*. В самом деле, семантика глагола *эвакуировать* (7) предполагает, что соответствующие действия производятся в интересах того, кто эвакуируется, но отнюдь не в интересах «принимающей стороны». Заглядывание же Петровым к соседу в тетрадь (12) опять-таки вряд ли производится в интересах соседа.

Таким образом, получается, что семантика конструкции в данном случае важнее, чем то ГО, которое есть у компонентов КВП. – для того, чтобы возникла та или иная конструкция необходимо не столько какое-то отношение между посессором и обладаемым – гораздо более важной является семантическая роль посессора.

КВП при глаголе *целовать*

Приведу еще один пример того, как параметр генитивное отношение оказывается слишком общим, чтобы объяснить выбор той или иной КВП. Это конструкции с глаголом *целовать*. При этом глаголе употребляются две КВП:

- дативная конструкция (*Вася поцеловал девочке руку*) и
- конструкция с предлогом *в* (*Вася поцеловал девочку в губы*).

И та и другая сочетаются в основном с генитивным отношением части тела.

Представляется важным, какой именно участник занимает позицию прямого дополнения в обеих конструкциях. В конструкции с *в* это посессор (*поцеловать Машу в губы*), а в дативной конструкции – обладаемое (*поцеловать Маше руку*). Исходя из этого можно было бы предположить, что частотность той или иной конструкции будет определяться исключительно коммуникативными факторами. Если говорящий хочет выделить посессор, то он выберет конструкцию с *в* (где последний занимает позицию одного из ядерных актантов – прямого дополнения). И наоборот, если более выделено обладаемое, то будет предпочтительнее дативная конструкция.

В таком случае рассматриваемые конструкции были бы одинаково распределены для всех частей тела. В действительности, однако, это не совсем так. Для каждой конструкции важно, является ли часть тела центральной (*голова и грудь*, а также компоненты этих частей, такие как *рот, нос* и т. д.) или периферийной (*руки и ноги*). Название центральных частей тела, гораздо чаще сочетаются с конструкцией с *в* (20). При употреблении в контексте ЭП с дативом (21) возникает «эффект мертвого тела»⁷ (по крайней мере, у некоторых носителей). Это довольно странно, так как стандартной функцией датива является как раз кодирование вовлеченности посессора.

20) *Рыцарь поцеловал царевну в лоб*

21) *Рыцарь поцеловал царевне лоб*

Для названий периферийных частей тела ситуация противоположная (ср. (22) vs. (23)):

22) *Рыцарь поцеловал царевне руку.*

23) ²*Рыцарь поцеловал царевну в руку.*

В этом случае, наоборот, наиболее естественна конструкция с дативом⁸. Я предполагаю, что периферийные части тела, в отличие от центральных, не приравниваются к посессору. Если в окне промелькнула Васина рука, вряд ли можно сказать, что в окне промелькнул Вася. Поэтому если кто-то поцеловал Васе руку, то руку вполне можно представить как что-то не совпадающее с Васей, но находящееся «в сфере его интересов». Именно такое понимание и отражает датив.

Таким образом, на выбор КВП при глаголе *целовать* влияет лексическая семантика участников соответствующей ситуации.

Выводы

Из приведенного материала можно сделать следующие выводы. Во-первых, семантика конкретных конструкций с внешним посессором определяет тот набор генитивных отношений, который может в них встретиться: конструкция накладывает семантические ограничения на посессор и обладаемое и тем самым влияет на генитивное отношение. Тогда исследование корреляции генитивных отношений с КВП предполагает исследование лексической семантики КВП.

Семантика рассмотренных конструкций в действительности не очень сильно отличается от семантики предлогов и падежей, которые в них используются. Например, семантика дативной конструкции выводима из бенефактивного значения датива. Семантика конструкций с *к* и *в* выводима из стандартного значения этих предлогов. Это еще один аргумент в пользу того, что появление этих конструкций в тексте следует объяснять скорее их семантикой, чем тем, какое генитивное отношение имеет место.

Тогда встает вопрос, каково же влияние генитивных отношений. Это влияние, безусловно, есть, иначе бы не удалось построить и объяснить иерархии, полученные в [Кибрик и др. 2006] и в [Леонтьев 2005а].

Я предлагаю такое объяснение: генитивные отношения благоприятствуют установлению посессивной

⁷ «Эффектом мертвого тела» такую интерпретацию при которой предполагается, что одушевленный участник находится в том состоянии при котором он не может реагировать на внешний мир – например он мертв, спит или в обмороке. Этот эффект возникает, в частности, если употребить одушевленное имя в том грамматическом контексте, который обычно употребляется у неодушевленных имен, например, Никакой ребенок в бассейне не плавал vs Никакого ребенка в бассейне не плавало (пример Я. Г. Тестельца).

⁸ На этот контраст обращается внимание в [Podlesskaya, Rakhilina 1997].

связи⁹ между посессором и обладаемым. Одним из проявлений этой связи можно считать запрет (или неудачность) выражения при обладаемом генитивного зависимого, по крайней мере в том же генитивном отношении, что и внешний посессор. (ср. (28) - (29)).

28) ^{??}Все тарелки несут Шухову в окошко Иван Ивановича

29) *Он наступил мальчику на ногу бабушки

Примеры ((28) – (29)) вряд ли можно считать аномальными синтаксически. При этом все они малопримлемы. Причина тому – наличие в каждом из них более одного генитивного отношения и, следовательно, более одной посессивной связи. между внешним посессором (*Шухов* и *окно* в (28), *мальчик* и *нога* в (30)) и обладаемым возникает семантическая связь, явно выразить другого посессора становится невозможным.

Вопрос о том, когда может возникнуть посессивная связь и те ограничения, которые она накладывает на синтаксическую структуру предложения остается предметом дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Langacker R. 1987 Foundations of Cognitive Grammar, vol I Standford Calif.: Standford University Press
2. Podlesskaya, Vera I., Rakhilina, Ekaterina V. 1999. External Possession, Reflexivization and Body Parts in Russian. // Payne D. L., Barshi I. (eds.) 1999:
3. Silverstein M. 1976 Hierarchy of features and ergativity // Dixon R.M.W. (ed.) Grammatical categories in Australian languages, Canberra
4. Shibatani M.1994 An integrational approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives // Proceedings of the 12th Annual meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley
5. Vergnaud J.-R., Zubizarreta M. L. 1992: The Definite Determiner in French and English // Linguistic inquiry 23-4, MIT
6. Брыкина М. М. 2005. Типы конструкций с внешним посессором в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2005». – М.,
7. Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н. 2006. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания, М. Наука..
8. Леонтьев А. П. 2005а. Влияние типа генитивного отношения на конструкции с внешним посессором в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2005». – М.
9. Леонтьев А. П. 2005б Дискурсивные свойства конструкций с внешним посессором в русском языке // Четвертая типологическая школа (Международная школа по лингвистической типологии и антропологии). Материалы лекций и семинаров. – М., 2005.
10. Хитров А. Н. 2005. Посессивная конструкция и семантика неучастия в ситуации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2005». – М.

⁹ Такую связь часто приходится усматривать при исследовании КВП и просто генитивных конструкций. Эта связь может называться разными терминами у разных авторов, например отношение Possession у [Vergnaud, Zubizarreta 1992] или отношение когнитивной сопряженности в [Кибрик и др. 2006]